

от  
1 МАЯ 1956

Москва

Газета №

# М Е Ч Т А

Весна 1956 года поистине прекрасна для людей всего земного шара. Она полна радостных надежд на мирный труд, на созидание, на творчество. Ведь человек творит по законам красоты не только в искусстве, но и во всех областях своей деятельности!.. Что же сулит эта весна каждому из нас — советскому рабочему, колхознику, писателю, художнику? Началом какой новой работы, какого большого дела станет она для меня — артистки?

Ну кто же не знает, о чем мечтает актриса, — конечно, о роли, о хорошей и непременно значительной, интересной роли!

У меня, да, вероятно, и у каждой актрисы, огромная потребность передать думы и желания советской женщины — такой деятельной, красивой, поэтичной, умной... Как мы мечтаем сыграть роль в пьесе, посвященной замечательной советской женщине наших дней! Как мы хотим создать образ — привлекательный и заразительный, который стал бы для наших зрителей живым примером.

Но реализовать эти стремления, активно бороться за высокие идеалы советского общества артист может, лишь имея материал для своего творчества. Проще говоря, имея хорошую роль в хорошей пьесе.

Я сыграла ряд ролей в пьесах, посвященных событиям наших дней.

Вот Надежда Бряжева из пьесы драматурга В. Лаврентьева, которую мы впервые встречаем шестнадцатилетней девочкой и которая активно борется, чтобы добиться своего счастья. Меня увлекал этот характер — энергичный, целеустремленный, выписанный сочно, в горьковской манере. Увлекал и пафос происходящих в пьесе событий — предреволюционные годы, Октябрьская революция, начало мирного строительства. События, годы, встречи с людьми накладывали свой отпечаток на мою героиню: она утверждала в произведении мужественную, чуть суровую интонацию, она умела полностью отдавать себя тому правому делу, за которое воевала.

Очень привлекал меня этот характер. Но все же раскрыт он не до конца. Судьба Надежды в пьесе обрывалась где-то на середине, оставляя ощущение недоговоренности.

О событиях современности рассказывает пьеса того же писателя «Светлая». В ней мне довелось играть Анну Погожеву — скромную, внешне незаметную женщину, совсем обыкновенную, такую, какие тысячами встречаются нам. И судьба у нее была, казалось бы, ничем не примечательная. Окончила Анна десятилетку, полюбила, вышла замуж. Потом война, четыре года фронта. Вернулась Анна, чтобы вновь встретить мужа, а оказалось, он ушел к другой. Она сперва не верит, так и говорит: «не верю, нет». Потом отвернулась от собеседников, постояла, помолчала...

Когда же мы снова видим ее лицо — словно вся жизнь перевернулась в Анне. А сказала она лишь два слова: «Пить хочу». И вот сидит она на крылечке — шинелька, узелок, палка... Идти некуда, продать

ничего. Как жить?.. Мне всегда казалось, что это в высоком смысле слова драматическая сцена. Рассказать о том, как эта женщина снова обрела веру в жизнь, а потом и счастье, — разве не прекрасная задача для актрисы? Но, увы, завершается образ прямолинейно.

Последняя моя работа — Александра в «Деньгах» А. Софронова. Это человек самобытного характера, жизнью поставленный в такие обстоятельства, из которых до времени не видит выхода. Александра мне чем-то напоминает шолоховскую Аксинью. И когда я думаю о ней, мне представляется земля — сухая, без дождя, потрескавшаяся земля, жаждущая обновления. Но и этот образ в пьесе не завершен.

Во всех этих ролях я стремилась воссоздать черты положительного героя наших дней, раскрыть за внешней простотой большие чувства, яркость и глубину характера, возвышенные стремления, — словом, показать все то, что делает советского человека положительным идеалом. И все же ни одна из этих работ еще не принесла мне полного творческого удовлетворения, ибо ни один из этих образов все-таки не стал крупным, сильным примером для подражания, не стал таким ярким явлением жизни, которое ощутимо повлияло бы на ее преобразование. Я не хочу винить в этом только авторов пьес, — вероятно, здесь и моя вина...

Это не значит, конечно, что у меня, в моей работе на театре нет творческих радостей. Наоборот! Вот недавно у меня была интереснейшая работа, в которой я поняла, что мы можем и должны нести пафос утверждения в искусстве всего лучшего, прогрессивного не только путем создания образов положительных героев, но и развенчивая дурное, отрицательное. Я говорю о роли Нихаль в пьесе Н. Хикмета «Чудак», женщины, не способной понять Ахмета, ищущего путей к счастью человека...

Думается мне, что, стремясь утверждать свои идеалы в искусстве, мы не всегда используем до конца все имеющиеся для этого возможности. А потому рядом с невольным упреком драматургам, прозвучавшим у меня, я хочу обратить свои претензии и к художникам сцены. Ведь главное для нас — единение творческих сердец драматурга и артиста в их страстном стремлении выразить те жизненно важные проблемы, которые их одинаково волнуют. Когда будет это единение, будет и познание внутреннего мира современного человека и полное проникновение в сценический образ. И тогда уже не разберешь, что принадлежит драматургу, а что — тебе!

Пусть наступившая весна — счастливая, радостная, озаряющая нежным светом нашу жизнь, — вдохновит и писателей и артистов, пусть она придаст им новые силы для творчества, чтобы они сделали явью мечту о прекрасном и проникновенном искусстве.

В. КАПУСТИНА,  
заслуженная артистка РСФСР.